Текст: Александр Емельяненков

АННА ГАГАРИНА (1903–1984), МАТЬ ПЕРВОГО КОСМОНАВТА ПЛАНЕТЫ:

«ГОСПОДИ, ИДУ, СОЛНЦЕ СВЕТИТ, А ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ...»

РИА НОВОСТИ

01

Черный день

Ее средний сын внуков не дождался. Но Анна Тимофеевна Гагарина, уже после гибели Юры, успела стать прабабушкой. А полтора года назад появилась на свет первая пра-праправнучка.

— У них с Алексеем Ивановичем родилось семеро внучек и внук, в двух следующих коленах — двенадцать правнуков и девять праправнуков. Большая у нас семья...

Тамара Дмитриевна Филатова, племянница Юрия Гагарина, руководит мемориальным отделом музея на его родине — в бывшем Гжатске, а теперь Гагарине Смоленской области. Город переименовали почти сразу после гибели первого космонавта.

А тот черный день — 27 марта 1968 года — словно удар молнии расколол жизнь их семьи на до и после.

— Сообщили нам только 28-го, — поправляет меня Тамара Дмитриевна. — Ужасный день. Но слез у бабушки я не видела. Она только сжалась вся в кулак, словно каменная. И потом никогда не плакала. Только скажет, бывало: «Господи, иду — солнце светит, люди кругом, а его больше нет...».

Терять близких и противостоять невзгодам ей пришлось с детства. В неполные пятнадцать лишилась отца. Тимофей Матвеев из смоленской деревни Шахматово четверть века тянул лямку на Путиловском заводе, там же получил увечье и зимой 1918-го вернулся с семьей на родину. Думал начать другую жизнь — уже на своей земле. Но осенью того же года умер.

В 1922-м эпидемия тифа унесла старшего брата Сергея.

А через девять дней в семье не стало матери — Анна Егоровна не перенесла потери сына.

Старшая из дочерей Мария училась на фельдшера в Москве, поэтому хозяйкой в их осиротевшем доме было суждено стать Анне.

Мал мала меньше

Всего у Тимофея и Анны Матвеевых родилось четырнадцать (по другим данным — пятнадцать) детей, но выжили только пятеро — остальные умерли во младенчестве. Девяти лет от роду деревенская девочка оказалась в Петербурге: в доме при Путиловском заводе отец снял для семьи квартиру. Сами ютились в одной комнате, в две другие пустили жильцов, чтобы иметь приварок к зарплате отца и тому, что зарабатывала мать, «стирая на людей». Нюра убирала в комнатах постояльцев, и эта трудовая копейка тоже была ко двору.

Подвернулся случай отдать дочь в обучение перчаточнице, чтобы вместе с ремеслом могла по-

*1 Памятник Анне Тимофеевне — может быть, самый живой из всех бронзовых памятников на планете Земля...

*2 Гжатск. У своего поро

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

03

04

лучить и свой кусок хлеба. Но отец рассудил по-своему: Нюра — девочка смышленая, пусть еще в школе поучится.

В училище при Путиловском заводе, где преподавали русский язык, арифметику, Закон божий и, одновременно, естествознание, она научилась шитью, вязанию, вышиванию, узнала немало полезного о домоводстве, а главное — пристрастилась к чтению. Как дорогую реликвию хранила подаренную ей за прилежание книгу «Приключение Тома Сойера». Много раз читала ее младшим брату и сестре, а потом, уже почти наизусть, рассказывала своим детям. И с благодарностью вспоминала отца, который всего год ходил на выучку к дьячку и потом сам над собой подшучивал: «Писать пишу, а читать в лавочку ношу».

Умелую и статную Анну Матвееву, оставшуюся без родителей, с малолетним братом и сестрой, сосватал в 1923 году мастеровой парень Алексей Гагарин из большой, но небогатой семьи деревенского плотника по прозвищу Иван Гагара. Молодую жену он привел в родительский дом, что стоял на окраине Клушино. В этой деревне и появились на свет их дети: Валентин (1925), Зоя (1927), Юрий (1934), Борис (1936)...

Пепел Юриных писем

За год до рождения среднего сына Гагарины вступили в колхоз. Сказать, что побежали в него первыми и с легким сердцем — покривить душой. Мозолями в кровь и бессонными ночами поднимали они свое хозяйство. К 1933 году в нем были лошадь, корова, бык, несколько овец и поросят, гуси, куры. И все разом отдать?! Конечно, колебались и переживали. Но в итоге, по словам Анны Тимофеевны, «пришли в колхоз не с пустыми руками...».

За годы, что оставались до войны, она успела поработать в поле, дояркой, заведующей молочно-товарной фермой. И дома вела немалое хозяйство: молоко от своей коровы — как без этого детишек

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ — ВЕЩУН. КОГДА УЗНАЛА, ЧТО ЮРА БЫЛ ДУБЛЕРОМ ПОГИБШЕГО ВЛАДИМИРА КОМАРОВА И МОГ ОКАЗАТЬСЯ НА ЕГО МЕСТЕ, ЗАЩЕМИЛО ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ

поднять? А они, особенно младшие Юра и Борис, парное молоко очень любили, мама — корову доить, дети прямо с кружками — в очередь. Отец, посмеиваясь, называл сыновей «молочными телятами». Как-то прибегает на ферму Зоя: «Мама, в деревню фотограф приехал! Можно и нам сделать карточку?». Пока мать с делами управилась, Зоя мальчишек собрала, причесала, приодела и усадила, как велел фотограф. А сама как была в валенках, так и на фото вышла...

Война — совсем другие зарубки в памяти и рубцы на сердце. Немцы, что в октябре 1941-го заняли Клушино, выгнали семью Гагариных из-под собственной крыши. Пришлось спасаться в землянке, вырытой на огороде. Смерть все время ходила рядом. Маленького Бориску мать чудом смогла отбить у разозленного немца, который поселился в их доме. Николай, младший брат Анны, погиб во время бомбежки. Старших Валентина и Зою фашисты перед отступлением угнали в Германию. Они смогли вернуться живыми, но с такой отметкой в документах, что на работу не сразу устроишься...

В конце 1945-го Гагарины переехали в Гжатск, а спустя время разобрали в Клушино и перевезли в город свой деревенский дом. События тех лет, связанные с учебой Юрия Гагарина, описаны и пересказаны такое количество раз, что повторять излишне. А вот живой рассказ внучки Тамары послушать стоит:

— До середины 61-го мы все еще жили в одном доме — бабушка с дедом и я с родителями. Валентин с женой Марией поселились в крохотной избушке не-

подалеку. А Юра и Борис, когда учились, служили в армии, в наш дом возвращались. И потом, уже с женами, собирались тут же.

Бабушка всегда принимала сторону невесток, хотя у каждой, вы понимаете, был свой характер. Азу, жену Бориса, называла только Азочкой. С тетей Марусей, женой Валентина, тоже имела свою линию. Хотя та, бывало, повздорит с Валентином, и ни с кем не разговаривает. Но бабушка как-то умела сглаживать углы.

А разве забудешь, какие у нас в доме лепешки пекли из ржаного теста! Его замешивали на свином топленом жире. Готовую, из печи, лепешку бабушка опускала в глубокую тарелку со сметаной — сначала горизонтально, потом поворачивала боком, обмакивала со всех сторон и выкладывала на блюдо.

— А если кто из детей нашкодил, их как наказывали?

— Мне самой никогда не доставалось. Только раз, и больше для виду, мама пустила в ход картофельную ботву. А бабушка никогда в жизни не ударила. И я не помню случая, чтобы она повысила голос на кого-то. С дедом при нас никогда не спорила, даже если была с ним не согласна. Потом, уже другими способами, добивалась, когда нужно, своего.

Но в одной истории исправить ничего не смогла.

У бабушки были собраны и хранились, перевязанные крест-накрест, несколько стопок с письмами. В основном, от Юры: из Саратова, Оренбурга, Мурманска. На конвертах — имя матери, он ей всегда адресовал. Она же и отвечала. Я, уже работая в музее, знала об этом и была спокойна: письма первого космонавта хранятся в самом надежном месте — у мамы. Как-то раз вместе с нею заходим и видим деда перед печкой. А в ней — уже только пепел. Повернулся к нам и говорит, что сжег «весь этот хлам». Думала, меня инфаркт хватит, и бабушку тоже. Это был настолько трагический для нас день, что словами не передать. Почему Алексей Иванович так поступил, что ему было не по душе, до сих пор теряемся в догадках...

Последняя встреча

На экскурсиях в музее, когда видит перед собой вдумчивые лица, Тамара Дмитриевна иногда приводит слова Юрия Гагарина: «Очень я люблю свою маму. И всем, чего достиг, обязан ей». А та, про кого это сказано, удивлялась и не находила слов в ответ на бесконечные вопросы: как надо воспитывать сыновей, «чтобы они походили на Вашего Юрия».

Да не знали они с мужем педагогических секретов. Работали много, о близких заботились, дружили с соседями и друг другу не лгали. А дети — рядом, все видят и впитывают. И сами тянутся помогать.

Так вышло и с Юрой. Мать лишь тихо печалилась, что во время редких приездов в Гжатск сыну почти не удается побыть наедине с родителями, своей семьей и близкими. То в школу, где учился, то на встречу с избирателями в дальний колхоз, то на совещание в горком, где уже составлен список просьб в столицу...

Кто мог подумать, что человек, вернувшийся ОТТУДА, через семь лет погибнет здесь, на Земле?! Но материнское сердце — вещун. Когда узнала, что Юра был дублером Владимира Комарова и мог оказаться на его месте, защемило еще сильней. Сын, чтоб успокоить, на ее расспросы отшучивался: «О чем ты? Какая разведка тебя подослала?»

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

06

5
Тамара Филатова, внучка Анны Тимофеевны, с любимым дядей. Гжатск, 1961 год.

4
Анна Тимофеевна со студентами Киевского института инженеров гражданской авиации. Город Гагарин.

6
Две матери. Анна Тимофеевна Гагарина и Мария Николаевна Баланина, мать С.П. Королева.

ВЗГЛЯД ПОЭТА

Две матери живут на белом свете,
Двух сыновей на белом свете нет.
Для матерей они, как были дети,
Так и остались ими с детских лет.

Одна Мария, а другая Анна,
Две матери, избранницы Земли.
Нет сыновей, но славой осиянны
Два имени в космической дали.

Два сына. Две упрямых дерзких воли.
Один и спал, и видел Байконур.
Другой еще за партой, в сельской школе,
Мечтою в беспредельность заглянул.

Две матери. Две славы. Две легенды.
Две опаленных жизнью седины.
Они сыновним подвигом и делом
В единый круг, как сестры, сведены.

Две матери. Печаль закралась в лица,
Когда не стало славных сыновей.
Двум матерям хочу я поклониться,
Сказать спасибо им от всех людей.
Виктор Боков

Последний раз он был в Гжатске 5 декабря 1967 года — приезжал вместе с Валей и дочками. Уже тогда, видимо, знал, что на день рождения матери — 20 декабря — выбраться не сможет. Увиделись только в феврале — Юрий уговорил лечь в больницу, сердце пошаливало. Навещал ее, а затем, когда Анну Тимофеевну выписали, позвал из Гжатска сестру, родных и в семейном кругу отпраздновал защиту диплома в академии.

Роковой полет пришелся как раз на середину календарного отрезка между тихой датой его рождения и днем космического триумфа.

— После похорон Юры бабушка очень долго не снимала черного платка, — вспоминает Тамара Дмитриевна. — А до того всегда ходила с непокрытой головой. Не могу сказать, что она как-то зачерствела, нет. И по отношению к нам совсем не изменилась. Но печать на лице осталась. Потом еще с Борисом такое...

— Уже после того, как умер Алексей Иванович?

— Да, дедушку схоронили в 73-м, в августе. А в 77-м ушел из жизни Борис. У него был рак желудка, его оперировали, вроде бы стал поправляться, и есть стал. А потом метастазы взяли свое. В какие-то моменты просто катался по полу — такие возникали боли. Когда рядом были жена и дочь — они знали, чем помочь, и все как-то обходилось. А тем летом бабушка, моя мама и Аза с Наташей — жена и дочь Бориса — уехали на несколько дней в Юрмалу. На хозяйстве в доме осталась я. Борис с семьей давно жил отдельно. Иногда сердцем чувствуешь неладное, но тогда не почувствовали. Уехали. А у него, видимо, очередной приступ. Вот Борис и решил одним разом избавить от мук и себя, и близких. Узнали об этом, только когда наши вернулись...

У своего порога

В 65 лет Анна Тимофеевна потеряла среднего сына. В семьдесят, за полтора месяца до «золотой свадьбы», схоронила мужа. А спустя девять лет после гибели Юры, когда душа и сердце начали чуть-чуть отходить, судьба отняла младшего из сыновей...

Дверь ее и после этого всегда оставалась открытой — для друзей Юрия по первому отряду космонавтов и для молодых, еще не летавших парней из Звездного, для школьников, приходивших с расспросами, и почтальона с письмами на разных языках. А когда в Гагарин каждое лето стали приезжать студенческие отряды из всех республик СССР, разве могла она не пойти, не встретиться, не принять? Днем новые лица и волнения, ночью — бессонница наедине с собой и своей памятью...

Близкие и земляки простились с Анной Тимофеевной 12 июня 1984 года.

А когда отмечали 40-летие первого полета в космос, рядом с домом Гагариных поставили памятник. Бронзовая скамья, на ней — бронзовая мать первого космонавта. Может быть, это самый живой из всех бронзовых памятников на планете Земля.

°7
Улыбайся, сынок.

ТАСС

07

ВЗГЛЯД ПОЭТА

Снег

Кажется, Вселенная
Замедляет бег...
Анна Тимофеевна
Подметает снег.
От крыльца пристенного
Прямо до ворот
Анна Тимофеевна
Не спеша метет.

В валенках с галошами,
В стареньком пальто.
...Память тяжкой ношею,
А утешит кто?
Снег другой ей помнится
Мартовской бедой.
И воронка полнится
Талою водой.

Сколько нам отмеряло?
Жизнь — всегда полет.
Анна Тимофеевна
Белый снег метет.
В деревянном домике
Юрий жил и рос.
Много было доброго,
Радостей и слез.

Люди чужедальние
Самых разных лет
Едут на свидание
В дом, где Юры нет.
И на них рассеянно
Смотрит и грустит
Анна Тимофеевна,
Сын не навестит...

Там, где в землю врезался
С неба самолет,
Сын живой пригрезился,
Меж берез идет.
И ладонью машет ей:
— Мама, это я!.. —
А в музее памяткой
Красная земля.

И заклепки рваные
Блёкнут под стеклом.
Тишина органная
Заполняет дом.
Космонавты многие
Будут приезжать.
Чистою дорогою
До крыльца шагать.

И юнцы безусые
Будут среди них.
Женщина их русская
Встретит, как родных.
Космоса рабочие
Скажут: — Здравствуй, мат
—
Снег ложится росчерком
На седую прядь.

... Снег ложится росчерк
На бронзовую прядь.

Валерий Свистунов